

Е. Ф. Синельникова

ВЛАСТЬ И НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА В 1920-е ГОДЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одной из задач культурной революции в Советской России была реорганизация научной деятельности. Большевикам советская наука представлялась централизованной системой, состоящей в основном из научно-исследовательских институтов, коллективную научную работу в которых осуществляют ученые – выходцы из рабоче-крестьянской среды. Научные общества, являющиеся самостоятельными объединениями ученых и играющие важную роль в российском и мировом научном сообществе, после Октябрьской революции продолжали функционировать. В годы Гражданской войны им даже оказывалась материальная и финансовая государственная поддержка. Тем не менее в начале 1920-х годов в печати их клеймили за элитарность и закрытость, за отсутствие широкой просветительской работы¹.

Однако именно в это время научные общества начали осуществлять лекционную деятельность среди «трудящихся». Так, первую публичную лекцию под названием «Сатурн и его кольца (по поводу слухов об исчезновении колец Сатурна)»² от имени Русского общества любителей мироведения прочитал в субботу 5 февраля 1921 г. в Митинговом зале Дворца Труда в Петрограде В. И. Прянишников. Василий Иосифович провел в 1920-е годы свыше 6 тыс. лекций перед «самой разнообразной аудиторией», на которые он получил около 10 тыс. писем. Результатом его просветительской работы стала на-

¹ Докладная записка СО ВЧК в секретно-оперативное управление ВЧК об общественных организациях при Наркоматах и других центральных учреждениях РСФСР (16 декабря 1921 г.) // «Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих: Конец 1921 – начало 1923 г.: документы. М., 2008. С. 21–22; Н.П. Светочи науки // Правда. 1922. 1 сентября.

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 29.

учно-популярная книга «Занимательное мироведение в вопросах и ответах»³, в предисловии которой Прянишников отмечал тягу десятка миллионов людей «великой социалистической родины» к чтению и самообразованию⁴.

В 1923 году представители Русского общества любителей мироведения продолжали выступать, «по поручению Политпросвета и по приглашениям разных организаций, в народных, рабочих, красноармейских и других аудиториях Петрограда и окрестностей»⁵.

Научное общество марксистов в 1924 году «в полном контакте и с одобрения Агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского губернского комитета РКП» приступило к организации научно-пропагандистской и политико-просветительской деятельности среди «широких масс рабочих масс Ленинграда»⁶. Обществом проводилась «плановая работа по красному календарю (доклады, беседы, лекции)», организовывались «высшего типа» марксистские кружки и «кружки по изучению ленинизма»⁷. Такая деятельность этого научного общества была очень востребована властью.

Помимо прочего, председатель Научного общества марксистов в 1924 году «в целях углубления научной работы <...> счел необходимым организовать в составе общества секцию из действительных членов общества по специальностям»⁸, и по предложению Губернского комитета РКП члены Научного общества марксистов стали принимать участие в работах научно-методического совета Губоно⁹. Подобная форма взаимодействия с властными органами, когда представители обществ выступали в роли научных консультантов, имела место и в деятельности некоторых других научных обществ города. Например, Российское минералогическое общество участвовало в работах в созданной в марте 1923 года Госпланом конференции по изучению производительных сил страны¹⁰. По сообщению Русского технического общества, к нему обращалось правительство с различными запросами, и, кроме этого, общество принимало участие в съездах по стандартизации¹¹. Русское географическое общество в 1924 году по

³ Прянишников В. И. Занимательное мироведение в вопросах и ответах. М., 1933.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 539. Л. 75; Д. 595. Л. 225 об.

⁶ Там же. Д. 721. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 2–2 об.

⁸ Там же. Л. 2 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Д. 630. Л. 42.

¹¹ Там же. Д. 540. Л. 99.

просьбе некоторых ведомств «освещало» разнообразные вопросы по своей специальности¹². Члены Русского энтомологического общества в 1924 году принимали участие в работах общественной организации «Доброхим» в связи «с намечающимися возможностями в отношении химической промышленности СССР»¹³.

Помимо собраний представители научных обществ участвовали и в популяризаторской деятельности. В 1926 году Физико-математическим обществом «были устроены две публичные лекции», которые, по сообщению общества, «собрали многочисленную аудиторию и были выслушаны с напряженным вниманием»¹⁴. «Популярные лекции» читались в том же году и членами Русского астрономического общества, причем это стало возможным «только благодаря любезности администрации Клуба ученых»¹⁵. 18 марта 1928 г. член Физико-математического общества академик Я. В. Успенский прочел «публичную лекцию» на тему «Полтора года в Америке», которая состоялась при стечении «многочисленных слушателей, заполнивших огромную аудиторию Института инженеров путей сообщения»¹⁶.

Русское географическое общество, например, 19 декабря 1929 г. писало в Управление уполномоченного Наркомпроса, что оно, «идя навстречу проявившемуся в широких массах трудящихся интересу к географии, приступает к организации популярных лекций»¹⁷. Эти лекции планировались как выездные, а местами проведения их должны были стать клубы и Дома культуры, причем темы должны были отобрать культотделы профсоюзов. Географическое общество заключало, что благодаря этим лекциям оно «вольется в культурно-просветительскую работу профсоюзов»¹⁸.

Анатомо-антропологическое общество хотело представить результаты своих исследований в 1929 году на выставке, освещающей особенности «физической природы населения Ленинградского края в прошлом и настоящем»¹⁹. Оно обратилось лично к Уполномоченному Наркомпроса Б. П. Позёрну с просьбой прислать представителей на совещание 14 февраля 1929 г. в Антропологическом кабинете Ленинградского государственного университета «для обсуждения

¹² Там же. Д. 691. Л. 107.

¹³ Там же. Л. 177.

¹⁴ Там же. Д. 1096. Л. 8.

¹⁵ Там же. Д. 1091. Л. 28.

¹⁶ Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 60. Л. 9.

¹⁷ Там же. Д. 94. Л. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 70. Л. 1.

вопроса о желательности, задачах и плане устройства Антропологической выставки Ленинградской области и Карелии»²⁰.

Приведенные примеры успешного взаимодействия власти и научных обществ и выполнение последними некоторых установок культурной революции, проводимой большевиками, однако, не могли изменить природу самих организаций. В течение всех 1920-х годов, несмотря на предпринимаемые советской властью попытки, социальный состав научных обществ не претерпел серьезных изменений²¹. Контроль за их деятельностью постепенно возрастал, что находило отражение в многочисленных циркулярах и отношениях центральных и местных органов Наркомпроса. Одной из наиболее идеологически окрашенных форм властного контроля являлся учет партийцев, впервые заинтересовавший власть в самом начале 1920-х годов. Так, осенью 1921 года по всем научным обществам были разосланы анкеты, включающие вопросы о наличии в обществе «комитетов служащих» (профсоюзных организаций) и «коллективов коммунистов» (партийных ячеек). С середины 1920-х годов пункт «партийность» становится неотъемлемой частью всех анкет, направляемых в научные общества различными властными органами. Наличие коммунистической и комсомольской прослойки среди членов научных обществ повышало доверие властных органов к их деятельности. Например, Научное общество марксистов априорно пользовалось самой широкой поддержкой на всех уровнях власти как общество, проводящее в науку принципы марксизма; кроме того, еще в 1923 году в нем состояло около 50 членов РКП(б)²².

Публикация Нового положения об обществах и союзах и введение в 1928 году новых Типовых уставов²³ имело для научных обществ важное значение. Предметом нашего дальнейшего рассмотрения являются последовательно проведенные на рубеже 1920–1930-х годов проверки научных обществ Ленинграда, поскольку их материалы являются очень ярким свидетельством эпохи.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 70. Л. 1.

²¹ Подробнее о численности и социальном составе научных обществ в 1920-е гг. см.: Синельникова Е. Ф. Социальный и численный состав научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1920-е годы: государственное регулирование и контроль // Социология науки и техники. 2016. Т. 7. № 1. С. 74–85.

²² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 629. Л. 26.

²³ Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т. п. обществ, имеющих филиальные отделения // Бюллетень НКВД. 1928. № 27. Ст. 247. С. 535–541; Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т. п. обществ, не имеющих отделений (местного характера) // Там же. С. 542–546.

С весны 1928 года в Ленинграде началось обследование научных обществ – Российского палестинского общества, Русского технического общества, Русского общества любителей мироведения. Начиная с осени 1929-го до начала лета 1930 года было обследовано еще девять научных обществ города: Общество древней письменности и искусства, Русское астрономическое общество, Общество российских физиологов им. И. М. Сеченова, Русские ботаническое, энтомологическое, географическое общества, Научно-техническое общество электриков и Общество естествоиспытателей при Ленинградском государственном университете. Проверке, таким образом, подверглись научные общества всех отраслей научного знания.

Комиссии, производившие обследование, были разными и по численности, и по составу. Часть обществ обследовались комиссиями, состоявшими из трех аспирантов Академии наук СССР. Другие общества обследовались комиссиями, смешанными по составу, хотя также включали по три человека – представителей райсовета или облоно (областного отдела народного образования), облисполкома, аспирантов Академии наук. Все члены комиссий назначались непосредственно Управлением уполномоченного Наркомпроса в Ленинграде.

Обследование шло по определенному плану, предусматривающему знакомство с работой общества, его историей и организацией, хозяйственно-финансовой деятельностью.

Симптоматично, что, несмотря на различные научные направления деятельности обществ и неравнозначный состав исследователей, замечания комиссий совпадали.

Общество древней письменности и искусства было обвинено в аполитичности и наличии в его рядах лиц, чуждых новой идеологии – «известных реакционно настроенных ученых (Лихачев, Платонов и т. д.)»²⁴. В подобном обвинялись и Русское энтомологическое и Русское географическое общества²⁵. Интересны характеристики, которые давала комиссия членам Научно-технического общества электриков. В частности, в отчете отмечалось, что «проф. Л. К. Каине, арестованный за вредительство в Наркомпочте, официально числится в Правлении и по сей день», «проф. Дмитриев, беспартийный, большая сволочь»²⁶. Характерно было и определение Общества естествоиспытателей: «Курс партии и правительства на индустриализацию страны и коллективизацию с[ельского] х[озяйства], а также очередные зада-

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 93. Л. 97.

²⁵ Там же. Л. 175, 177.

²⁶ Там же. Л. 210.

чи соц[иалистического] строительства не находят своего отражения в деятельности общества»²⁷.

Еще одно направление критики касалось сферы культурно-просветительской и антирелигиозной работы, которые являлись одними из главных направлений культурной революции. В отчете о Ленинградском обществе исследователей культуры финно-угорских народностей говорилось о том, что члены общества «не ставят массовых докладов ни на фабриках, ни на заводах, рабочих клубах»²⁸. Комиссия посчитала, что «по своим целям и задачам в эпоху культурной революции [общество] может сыграть большую роль, но при условии коренной реорганизации его»²⁹. Обследователями Русского астрономического общества подчеркивалась необходимость усиления культурно-просветительской работы «не только по линии антирелигиозной работы, но также и по линии чисто популяризаторской издательской деятельности»³⁰. Напротив, Русскому обществу любителей мироведения комиссия рекомендовала обновить Совет общества и «по многим вопросам согласовываться с союзом безбожников», особенно в деле антирелигиозной пропаганды, которую общество пока не вело³¹.

Вполне ожидаемой была критика отсутствия партийной прослойки в научных обществах. В отношении Общества русских физиологов им. И. М. Сеченова комиссия пришла к таким выводам: «Общество не приблизило свою работу к требованиям реконструктивного периода социалистического строительства», необходимо «организовать фракцию ВКП(б)»³². Российскому минералогическому обществу было рекомендовано создать из общества отдельные группы «геологов-марксистов» или специальные секции «геологов-марксистов, работающих под руководством и в контакте с Комакадемией»³³.

В обобщенном виде выводы всех обследований были представлены в Главнауку в виде «Доклада о работе научных обществ»³⁴, который был составлен старшим инспектором по научным учреждениям Зеленским. Научные общества в этом докладе получили очень не лестную характеристику: «После свержения самодержавия

и установления пролетарской диктатуры буржуазно-либеральные общества в их старой форме должны рассматриваться как пережиток дореволюционной эпохи, тормоз кипучей энергии трудящихся масс, а иногда даже как реакционная идеологическая сила»³⁵. Было решено, что научные общества должны стать массовыми организациями, связать свою работу с красными уголками, избами-читальнями и в то же время с хозяйственными и профессиональными организациями. Предполагалось, что одни общества должны быть укрупнены, другие ликвидированы, остальные усилены и укреплены³⁶.

Однако сразу после завершения обследования власть решительных действий не предпринимала, так как летом 1930 года были опубликованы новое Положение об общественных организациях и Типовые уставы³⁷. В первом пункте Положения 1930 года подчеркивалось, что «добровольные общества и союзы (объединения, клубы, ассоциации, федерации и т. п.) являются организациями общественной самодеятельности трудящихся масс города и деревни, ставящими своей задачей активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению обороны страны»³⁸. В Инструкции НКВД «О порядке утверждения уставов добровольных обществ и союзов и надзора за их деятельностью», принятой 3 ноября 1930 г., указывалось, что административные органы «проверяют состав членов об[щест]ва или союза с точки зрения изживания цеховой замкнутости в об[щест]вах, вовлечения в его состав широких трудящихся масс, в первую очередь рабочих с производства, пролетарской части учащих, сельскохозяйственных рабочих и работниц, батрацко-бедняцких и колхозных слоев деревни»³⁹.

Не удивительно, что после публикации подобных нормативных документов научные общества вновь были подвергнуты проверке. Причем на этот раз в обследовании участвовал 61 человек от партколлективов ленинградских научных учреждений, административных отделов нескольких районов города и др. Впервые к подобной работе

³⁵ Там же. Л. 248.

³⁶ Там же.

³⁷ Положение о добровольных обществах и союзах // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 2–5; Типовой устав добровольных обществ, имеющих отделения // Там же. С. 11–27; Типовой устав добровольных обществ, не имеющих отделений (местного характера) // Там же. С. 18–22.

³⁸ Положение о добровольных обществах и союзах... С. 2.

³⁹ Инструкции № 531. О порядке утверждения уставов добровольных обществ и союзов и надзора за их деятельностью // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 8.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 93. Л. 222 об.

²⁸ Там же. Л. 130–131.

²⁹ Там же. Л. 133.

³⁰ Там же. Л. 122а.

³¹ Там же. Л. 160.

³² Там же. Л. 144 об.–145.

³³ Там же. Л. 219.

³⁴ Там же. Л. 248–248 об.

были привлечены представители заводов. С участниками «смотра» 28 ноября 1930 г. было проведено инструктивное совещание⁴⁰.

К началу декабря 1930 года обследование завершилось, его итоги обсуждались с «бригадирами»⁴¹. 28 декабря 1930 г. состоялось совещание с представителями районных партийных, советских и общественных организаций по итогам проверки⁴², которое пришло к выводу, сходным в общих чертах с теми, которые показало предыдущее обследование.

По итогам обследования среди членов обществ были выделены три группы: «ученые, вполне советские по своему подходу к вопросам научной работы обществ и стремящиеся к овладению марксистской методологией»; «группа научных работников, плохо разбирающаяся в вопросах политики и являющаяся шатающейся прослойкой»; «группа лиц, <...>, контрреволюционная, прикрывающаяся своей аполитичностью для контрреволюционных целей»⁴³.

«В области идеологической и плановой деятельности» основными пороками научных обществ признавался эмпиризм в исследованиях ученых⁴⁴. Это происходило по причине отсутствия «среди научных работников революционного марксизма, как мировоззрения и диалектического материализма как основного метода»⁴⁵. Этим также объяснялось отсутствие увязки научно-исследовательской работы обществ с социалистическим строительством. Научные общества обвиняли и в отсутствии вразумительных планов деятельности, массовости в работе; в вину им ставили даже печатание трудов на иностранных языках, поскольку «слабое знание языков учащейся молодежи и рабочих лишает ценности этих работ внутри страны»⁴⁶. Отсутствие собственных помещений у значительного количества обществ также стало объектом критики⁴⁷.

В «Предложениях» по научным обществам отмечалось, что необходимы коренная реорганизация структуры обществ и полное подчинение их деятельности «задачам социалистического строительства»⁴⁸. С этой целью было необходимо прикрепить общества к соответствующему госучреждению в зависимости от целей учреждения и общества, чтобы за ними установился надзор⁴⁹.

Для реализации задуманной реорганизации обществ они были разбиты на группы согласно области научных занятий, которые прикреплялись к одному учреждению, при этом из каждой группы планировали создать ассоциацию⁵⁰.

В конце 1930 года большинство научных обществ Ленинграда были переданы в ведение облоно, а все медицинские общества – в Облздравотдел⁵¹.

Поднадзорность соответствующим государственным учреждениям означала окончательное огосударствление научных обществ, что происходило также со всеми общественными организациями на рубеже 1920–1930 годов⁵² в рамках культурной революции, одним из итогов которой стало сокращение числа научных обществ и трансформация оставшихся в массовых объединения трудящихся, подконтрольные власти.

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 48. Д. 78. Л. 19.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 22.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 20.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Л. 20–21.

⁵¹ Там же. Д. 77. Л. 11–13.

⁵² Фортунатов В. В. Исторический опыт руководства коммунистической партии общественными организациями интеллигенции в СССР (октябрь 1917 г. – 1927 г.): автореф. дис. ... д. ист. наук. Л., 1989. С. 5.